

АРЕСТ Ш

Криками «зарублю!» мысля тихонько,
Сырыми потел плавниками ладоней.

Желтыми глазами, всматриваясь с подоконника,
Кактусы накручивались на комнату.

Из кармана топорик топорщился ржавенько –
Сам он ночью вылез.
Руки, держа его, не разжимались,
Остановиться силась.

Сосед, как ангел кальмара, нежен слякотно.
Размахнулся на шею спящего.
Белая голова по комнаты кляксе
Катилась, словно ненастоящая.

Мертвеца, как глупую куклу, к санкам
Привязав, бежит, сугробами дрыгаясь.
Снега тюлень молчит, раскарябанный,
Крови расцветая гвоздиками.

Трясущийся кончиком лопаты,
Ямой раздырил мерзль мозолистой тверди.
В пустоту разинувшуюся падают
Два куска человека.

Простуженный, опережая утро,
Врывается в дом, ледяной и потный.
Часами ужасы влезали в минуты.
Бледнело расцветом комнат животное.

Вошли кособоко. Шалили обыском.
Голый вопящий схватил пиджак.
Спешил бездумно и босиком.
Огромный рукавами формы его держал.

Пишущая машинка тряслась под щупальцами.
Секретарша любила пытки допросов.
За окном навсегда исчезала улица.
Деревья желались, как отобранные папиросы.

МЕХАНИЗМЫ. АЛЮМИНИЙ

Не минуй нас, алюминий.
Алюминий, аллилуйя!
Поименно не минуй нас,
Минусуй нас, обними нас.

Мы немые, мы иные.
Что нас в мнимость заманили?
Извини нас, измени нас!
Алюминий, мы изнылись.

Все пути ведут из Рима.
Все бредут по ним, как тени.
Все пути проводят мимо
Непременно, непременно.

Алюминий, ямы умны.
Яви мнимы. Новы мины.
Вены рваны. Ночи лунны.
Отрави нас, алюминий!

Номера умерших милых
Повторяют телефоны.
Как в пластмассовых могилах
Нам мерещатся их стоны.

Изнасилуй! Силы ныне
Износились, расслоились.
Если ты не в небеси,
То над ними, алюминий.

Надо – к бесу уноси нас.
Алюминий, аллилуйя!
Анонимности взыскуем.
Обнули нас, алюминий!

В «АНГЛЕТЭР»

Вы, извращенцы хороших манер,
Вы, развиватели интеллекта.
Выстройтесь в очередь к пистолету
В роли туристов в «Англетер».

Вы в идеально чистом белье.
Вас встретит ээсовская мягкость 60-х.
Вас приглашает Ночной Портье
В камеры и палаты.

Вам предложат изведать тоталитарный садизм,
Чувство при близости пистолета,
Искусство (в частности, концептуализм)
И тайну смерти русского поэта.

ПАЛИТЕ ПОЛИТИКУ!

Динамо-майданила дама фемина.
Видна в агитпроповской некрофилии,
Как некроОфелия в РАФе Орфеевском,
Что в пропасть гляделась с оскалом фелиневским.

Финалом тотальных «Восьми с половиной» –
Фаллический символ, художник Павленский.
Но ловкость Павловского неуловима –
Политво-молитва советским-освенцимским

От антисоветского, от интеллигентного,
От антиосвенцима, от либерального,
Поет политолог нам песенку детскую,
Как в тех детективах, где предкриминальное

По некой традиции сопровождается
Считалкой, таящей проклятье магической
Силы. И политология так изъясняется
На грани баюкающего и трагического.

Здесь все патология и политология.
Павловкость – есть ловкости слов антилогика.
Нулей антисмыслов твори аналитику.
Палиттепалитепалитеполитику!

Я липкой палитры вдыхаю эстетику.
Я сюрреализм политической наглости.
Я мертвый Дали в киче русской эклектики,
Измучен любовью к влагалищу Галлы.

В России иметь – есть по сути политика.
А все остальное – бесплодная лирика.
Россия как женщина обезличена.
В ней нету движения. В ней только картина.

Но знайте, любители мглы и Вальгаллы,
Они нелегальны, те русские Галлы.

Концептуалища под коксом издерганы.
Поэзия льется как нефть на кабаеву.
Мы все персонажи, мы тайные Тёрнеры,
Мы ищем добра от О'Брайена с Байроном.